

Н.В. Солоник

Лысьвенский филиал Пермского государственного технического университета

СТРАНИЦЫ ЭПОХИ РАСПАДА СССР: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Анализируется социально-политическая ситуация в Таджикистане в 90-е годы XX века, типология разных политических групп, идеологических течений, демографическое, экологическое и экономическое положение населения. Рассматриваются антагонистические противоречия и последствия событий 90-х годов XX века.

Ключевые слова: *политическая борьба, этнические, религиозные взаимоотношения, уроки и последствия распада СССР.*

Вместо мотивации: любая война – абсолютное Зло. Поэтому начну не с начала и не с конца, а с середины – с тех реальных фактов, которые имели место в хорошо спланированной кровавой бойне в Таджикистане времен 1990–1996 года.

Селение Лахути: вырезано 73 чел., из них 20 детей. Селение Пахтакор – 40 чел., Пахтокори-поен – 35, в поселке Чапаево – 35 чел., в Пахтаабаде – 170, в поселке Ленинград – 28, в кишлаке Ширкент – 15, в городе Регаре – 130 чел. Город Курган-Тюбе вырезан почти полностью и сожжен [1]. Можно продолжать и продолжать...

Практикуются пытки – изуверские, дикие. Выполнять их могут только хорошо обученные «профессионалы» соответствующего менталитета и эмоционально-психологического типа. Источниками документированы следующие способы умерщвления людей: отрезание ушей и носов, выкалывание глаз, снятие скальпов, раздробление и отрезание конечностей, половых органов, вырезание различных знаков на теле, вбивание иголок под ногти, вырывание ногтей, снятие кожи с живых людей, просверливание черепов и извлечение мозга у живых, вспарывание животов беременных женщин, утопление связанных колючей проволокой людей в арыках, закапывание живьем, заливка цементом, сваривание в банях, распятие по стенам мечетей, сожжение заживо [2, с. 108].

Гражданская война в Таджикистане унесла около 150 тыс. жизней, обусловила лавинные миграционные процессы, разрушила семьи и родственные связи между людьми, привела к нулевому порогу состояние народного хозяйства. Экономический ущерб, по самым скромным подсчетам, составил 7 млрд долл. США. Моральный и нравственный – не подлежит никаким оценкам: он безмерен.

На военном жаргоне беспрецедентно жестокая гражданская (с элементами этнической) война в Таджикистане была обозначена как «война вовчиков и юрчиков».

«Вовчиками» в Таджикистане называли боевиков и их пособников, которые были связаны с идеологией ваххабизма – самой активной и агрессивной мо-

делью саудовского ислама. Этимология номинации «юрчики» неизвестна никому, является совершенно немотивированной. Просто так называли всех тех, кто в боевых действиях отстаивал светский тип государственности.

Вопрос о том, как начинаются гражданские и этнические войны в нашем беспокойном мире, к сожалению, оказывается «вечным» – таким, актуальность которого не убывает. Ошские события в Киргизии 2010 года служат свежим подтверждением этой мысли.

В настоящей работе я хочу очертить центральные пункты недавней истории, связанной с гражданской войной в Таджикистане в 90-е годы XX века. Во-первых, ее глубинные причины. Во-вторых, то, как это технически оказалось возможным. Хотелось бы выйти и на некоторые персоналии, показав при этом «роль личности в истории» – как созидательную, так и разрушительную. В-четвертых, хотелось бы остановиться на тех уроках – политических и нравственных, – которые должны были бы извлечь наши политики и наше общество из таджикской трагедии.

Гражданская война в Таджикистане (начавшаяся как этническая еще в 1990 году) разными специалистами (и неспециалистами тоже) объяснялась по-разному.

К примеру, московско-петербургские демократы первой волны вообще разъяснили всему миру (и таджикистанцам в том числе) доступно и просто: идет, дескать, борьба между носителями новых демократических идей и закоренелыми коммунистами – «красно-коричневыми». Небезызвестный политический деятель тех времен Анатолий Александрович Собчак, например, осенью 1991 года, побывав в Таджикистане и пошептавшись с казикалоном²² Акбаром Тураджонзодой – идеологом воинствующего ислама, так и объявил миру: «Здесь русских нет, – здесь коммунисты» [3, 4]. И лидер демократов России Николай Травкин (в свой однодневный прилет в Душанбе в период длительного митингового марафона) вторил: «Демократические победы в Таджикистане тянутся вверх» [5]. В этом ярлыке – «красно-коричневые» – было выражено не только личное отношение «демократов» к своим оппонентам. Этот ярлык способствовал формированию и международного мнения о характере «раздоров», потрясших Таджикистан.

Была и еще одна смысловая версия: в Таджикистане воюют между собой разные кланы, так как структура таджикского общества в основе своей клановая.

Все эти объяснения искажают истинный смысл происходивших в республике страшных и трагических событий.

Первое аналитическое исследование причин и механизмов гражданской войны в Таджикистане провела по поручению Верховного Совета Российской Федерации группа известного политолога Сергея Кургиняна [6]. Профессионально выполненный анализ показал, что таджикская трагедия была обусловлена, по крайней мере, четырьмя факторами.

²² Казикалон – высший духовный сан в республике, исповедующей ислам.

Одним из них являлся геополитический интерес США и отдельных стран Западной Европы (Великобритании в первую очередь) в развале СССР как международного конкурента. Путем уничтожения его коммунистической идеологии при этом выдвигалась всепроникающая идеология ислама.

Другим фактором явился геополитический интерес стран «исламского мира» (Саудовской Аравии в первую очередь) в расширении своего идеологического влияния и контроля над странами Средней Азии (а возможно, и Центральной).

Третьим обстоятельством был интерес международного наркобизнеса (наркоторговцев Афганистана в первую очередь) в расширении рынков сбыта своей продукции.

Было и четвертое, собственно таджикское, обстоятельство, названное С. Кургиняном противоречием интересов элитарных кругов таджикского Севера и таджикского Юга.

Вместе с тем эти клановые противоречия и эти геополитические «дестабилизаторы» никогда бы не вылились в практику военных действий, если бы в самой социально-экономической ситуации Таджикистана 80–90-х годов не было бы жесточайших глубинных проблем.

Полная их объективация, проведенная в рамках фундаментального исследования В.И. Бушкова и Д.В. Микульского [2], сводится к трем.

Во-первых, к 90-м годам XX века в Таджикистане разыгрывается неконтролируемый демографический взрыв, требующий соответствующего материального обеспечения. Но этого обеспечения не было и не могло быть.

Во-вторых, к этому времени в республике отмечается запредельное использование пахотных и пастбищных земель, а также водных ресурсов, что приводит к нарушению экологического равновесия и еще меньшей способности земли отвечать императивам демографического роста.

В-третьих, внедрение на территории Таджикистана современной индустриальной инфраструктуры, чуждой местному обществу и сопровождаемой ввозом «русскоязычных», готовило социальный раскол общества на «русскоязычный» город и собственно таджикский кишлак.

Все это вместе взятое создало колоссальную проблему малоземелья и водных ресурсов, чреватую неспособностью республики (особенно ее сельской части) прокормить самое себя.

В самом деле, по темпам естественного прироста населения Таджикистан в 1961 году уверенно обогнал Казахстан и Киргизию, в 1965 году – Узбекистан, в 1967 – Туркмению и с тех пор продолжал оставаться лидером в этой области на всем пространстве бывшего СССР. Произошло это не из-за снижения общей смертности, а за счет повышения рождаемости (в 1985–1990 годах она колеблется в пределах 38,7–41,9 промиллей).

Демографический «расцвет» Таджикистана обернулся проблемой малоземелья. К примеру, если в 1940 году в Таджикистане на душу населения приходилось 0,6 га посевных площадей, то в 1989 году – лишь 0,17 га пашни, в 1989 году Таджикистан произвел на душу населения всего лишь 60,1 кг зерна (это 160 г на день).

Огромное влияние на состояние таджикистанского общества оказала и политика индустриализации. Из-за невозможности в кратчайшие сроки обеспечить создававшуюся промышленность местными кадрами необходимой квалификации осуществлялся планомерный завоз кадров из России. В результате уже в 50-е годы в Таджикистане возникла бинарная система размещения населения: в городах оказалось сосредоточенным практически все некоренное население, по всем своим социальным характеристикам неидентичное, а то и противостоящее местному (язык, вера, культура, образование, образ и уровень жизни).

Комплексное антропогенное воздействие на окружающую среду коренным образом изменило условия существования народа, затруднило возможность ведения традиционного сельского хозяйства.

Рост населения и возросшие объемы экстенсивного скотоводства практически уничтожили арчевые и лиственные леса. В том «помогло» еще и использование леса на жилищное строительство, топливо и металлургические нужды. Одним из последствий уничтожения лесов стали селевые разрушения, которые к 80-м годам XX века приняли масштабы национальной угрозы.

Еще одной причиной экологического неблагополучия Таджикистана стала интенсивная добыча полезных ископаемых, масштабы которой все увеличивались начиная с 40-х годов. Применявшиеся при этом технологии, рассчитанные на иные геологические условия, способствовали деградации поверхности и нарушению стабильности тектонических зон. Участвовавшие в Средней Азии землетрясения все возрастающей мощности (1985 год – Кайраккумское, 1989 год – Гиссарское) напрямую связываются отдельными исследователями с добывающей промышленностью.

Мелиоративная политика в Таджикистане привела к измельчанию двух великих рек – Амударьи и Сырдарьи, уничтожила Аральское море, вызвала засоление почв. В условиях малоземелья это стало катастрофой.

Таджикистанское общество к 80-м годам XX века вступило в полосу системного кризиса, экономической подоплекой которого послужил абсолютный земельно-водный голод, а социальной – неконтролируемая рождаемость и сверхвысокий естественный прирост населения.

Кризис с необходимостью вызвал к жизни усиленную циркуляцию идей, которые в мусульманском обществе неизбежно оформлялись в виде исламской идеологии.

Возникшая в обществе обстановка совпала с политическим распадом СССР. Ослабление центра усилило центробежные силы во многих союзных республиках – в Таджикистане в том числе.

Таджикистанское общество начало политизироваться, стали возникать различные общественные движения и политические клубы. Этот процесс начал «подогреваться» и извне.

Так, в 1974–1975 годах в высоких правительственных аналитических центрах США, Великобритании и ряда исламских государств была разработана совместная программа «Ислам против коммунизма». Эта программа предполагала

совместное финансирование антикоммунистических организаций в исламских регионах Советского Союза. Она предполагала также использование спецслужб для развертывания исламского подполья в СССР, причем ведущая роль в этом деле отводилась саудовцам и английской «Интеллидженс сервис» [6]. Замечу, что это происходит еще до начала войны в Афганистане. Еще Советский Союз не назван «империей зла», но в лексиконе зарубежной политической кухни уже появляется термин «южное подбрюшье России» (совсем в духе Уинстона Черчилля, который в свое время называл «мягким подбрюшьем Европы» страны Балканского полуострова).

Программа «Ислам против коммунизма» заработала на территории еще советского Таджикистана уже в 1976 году. Именно тогда в г. Курган-Тюбе мулла Абдулло организовал антиправительственный митинг перед обкомом Коммунистической партии Таджикистана – по тем временам событие беспрецедентное. Но оно не было случайным: процесс «пошел» – вернее, его повели, причем профессионально и организованно.

В 1978 году синхронно в ряде регионов СССР возникает подпольная организация, именующая себя «Исламская партия возрождения» (в Таджикистане она будет конкретизирована как «Исламская партия возрождения Таджикистана»). Но такого рода организации в стране с мощными спецслужбами и однопартийной системой просто не могли существовать без прикрытия партийных элит. Только на партийной основе, только при содействии высшей партийной элиты республики могло произойти то, что произошло.

Кто именно прикрывал в Таджикистане насаждаемый ваххабизм – эту воинствующую модель ислама? Как это вообще могло осуществляться? Какие личности выступали персональным олицетворением этой идеи? Чтобы понять все это, вернемся для начала к вопросу о социально-экономической стратификации Таджикистана – о его делении на таджикский Север и таджикский Юг.

Ходжентский клан, или ленинабадская группа, – это элитный Север Таджикистана, причем Север не только географический, но и социально-экономический и даже социокультурный. Весь советский период истории Таджикистана республикой управляла ленинабадская группа: это и Протопопов в военное время, и Бободжан Гафуров (крупнейший ученый-востоковед), и Турсунбай Унджабоев и Джабар Расулович Расулов. Ходжентский клан не был лишен некоторой социальной надменности, обособленности, корпоративности; региональные интересы нередко превалировали над республиканскими. Но это был надежный, «проимперский» оплот власти.

Юг же Таджикистана жил своей жизнью и своими интересами, постепенно приобретая четко выраженную структуру.

В равнинной части Юга располагается Куляб. Плодороднейшие земли Куляба составляли основное его богатство. Сами кулябцы всегда тяготели к «проимперскому» Ленинабаду. Из кулябцев – смелых, выносливых, преданных центру – правительство Таджикистана традиционно формировало силы МВД.

В обширной восточной части Юга выделялась прежде всего ГБАО – Горно-Бадахшанская автономная область. Населяют ее памирцы – народность, характеризующаяся большой сплоченностью, древними, дофеодальными формами организации социальной жизни. Район Памира – это дотационный район: здесь нет ни сельского хозяйства, ни скотоводства. Уровень жизни – ниже всяких комментариев. Устойчивую характеристику криминалитета этого региона составляет занятие наркотическим промыслом. Прорываясь в управленческие структуры, памирцы просто не могли не обнаруживать острого недовольства замкнутостью и амбициозностью ходжентского клана. Они должны были искать союзников и нашли их в лице сопредельной по территории и относительно высокогорной гармской общины.

Гарм специализировался на мелкотоварных видах сельскохозяйственной продукции. Достаточно быстро и не без помощи памирской элиты и ее наркодег Гарм «оседлал» торговлю, потребсоюзы и образовал вторую (конкурирующую с ленинабадской) буржуазию. Правда, в отличие от ленинабадской она была замкнута на внутренний рынок. Но хотелось большего. И поэтому гармцы составили оппозицию «имперскому» центру и его идеологии. Достаточно обеспеченная и консолидированная элита Гарма в какой-то момент созрела для того, чтобы сознательно строить свою политическую игру.

Противостояние Севера и Юга, обозначившееся в 70-е годы, Москва рассматривает просто как клановое и поэтому пытается нейтрализовать его лишь средствами сбалансированной кадровой политики. В частности, в подвижники ленинабадцу Расулову – первому секретарю Компартии Таджикистана – на должность Председателя Верховного Совета Таджикистана Москва выдвигает памирца Гоибназара Паллаева. В ту эпоху это была скорее почетная, чем политически значимая должность.

Но какие-то силы свели Паллаева с секретарем ЦК КП Таджикистана по идеологии Гулджахон Бобосадыковой – властной, умной, расчетливой женщиной (математиком по образованию) [7]. Этот альянс слаженно и размеренно заработал уже в эпоху Расулова. Паллаев постепенно и планомерно проводил в торговлю «своих» гармцев. По быстроте и согласованности процесс захвата торговых точек гармцами не знал себе равных. Паллаев захватил не только нижние, но и высшие этажи торговой пирамиды. Прикрытие обеспечивала Бобосадыкова, постоянно вращавшаяся в московских сферах.

Свободные финансовые средства от торговли соединились с идеологией, мафиозные сети на местах – с умением лавировать в кабинетах высокой политической власти.

Все это стало не на шутку беспокоить ходжентцев. Бобосадыкова же, которая прежде всегда действовала с оглядкой на Ходжент, все больше и больше ввязывалась в интересы предперестроечных московских элитных групп. И это при том, что внешне проявляла подчеркнутую чрезмерность в вопросах, связанных с «чистотой» атеистических идеалов руководящих работников: жестоко карала

по партийной линии за отправление дедовских религиозных традиций, тем самым дискредитируя коммунистическую идеологию в глазах все более и более исламизировавшегося населения.

2 апреля 1982 года умирает таджикский лидер Расулов. Ленинабадская группа сумела и на этот раз провести на должность первого секретаря очередного ходжентца – Рахмона Набиевича Набиева. Но это не входило в планы Паллаева и Бобосадыковой.

Сам Набиев, будучи достаточно молодым, не собирался отдавать идеологию на откуп своим оппонентам, не собирался он и слепо выполнять директивы Москвы по борьбе с исламом как таковыми. Наступали новые времена, и новые лидеры хорошо понимали двусмысленность чересчур линейного исполнения директив центра.

Вместе со вторым секретарем ЦК КП Таджикистана Ю.П. Беловым Набиев пытался блокировать процесс становления гармской торговой мафии.

Но в 1985 году, вскоре после прихода к власти М.С. Горбачева, назначается специальная проверка Коммунистической партии Таджикистана со стороны ЦК КПСС. Такая проверка обычно означала снятие верхнего эшелона власти в республике. Собирается закрытое бюро ЦК Коммунистической партии Таджикистана, Паллаев и Бобосадыкова открыто выступают против Набиева – повод есть: позволил себе выпить в сауне на праздновании юбилея ГБАО (и это в то время, когда страна борется с пьянством). Но Набиеву и Белову удается удержаться на занимаемых постах.

Вместе с тем после случившегося Набиев предлагает Бобосадыковой уйти в отставку. В ответ – звонок из Москвы с окриком: «Не трогать!». Набиев тем не менее повторяет свое предложение Бобосадыковой. В ответ – звонок еще более всемогущего лица. И вновь отказ выполнить указание. И тогда – третий звонок. Железный голос одергивает «фрондера»: «Это личное указание М.С. Горбачева» [6]. И Набиев – «уходит» на пенсию.

Вместо него приходит ленинабадец Каххор Махкамов. Кажется, что Ходжент сохраняет свои позиции. Но на деле ленинабадской элите нанесено тяжелое поражение: в обмен на сохранение за собой первого поста в государстве Ленинабад вынужден отдать памирцам и гармцам уже не только весь Потребсоюз целиком, но и Министерство внутренних дел: на пост министра внутренних дел назначен памирец Мамадаез Навджуванов. Теперь в одних руках сосредоточены и торговые деньги, и группа прикрытия, и силовая структура – милиция.

С этим внутриправительственным переворотом совпадает и ускоренное, резкое становление «параллельного ислама» – ваххабизма – опять-таки за счет партийного прикрытия сверху (и не без благословения Москвы).

В СССР 1989 году проводится амнистия уголовных преступников, которые возвращаются в Таджикистан и оказываются «при деле».

Пришедший на место второго секретаря ЦК КП Таджикистана Белова Петр Лучинский (кадр из Приднестровья) завершает разгром кадров при попустительстве Каххора Махкамова. Именно Лучинский блокировал любые поползновения остановить набиравшие обороты антирусские настроения. Этот человек исчезает из республики незадолго до февраля 1990 года.

Поворотом к февральским событиям в Душанбе явился намеренно распространяемый слух о выделении беженцам-армянам квартир. А было-то всего 47 семей, которые и разместились у своих родственников, не помышляя ни о каких жилищных привилегиях. Напомню для забывших или вообще не знающих: 13 января 1990 года в Баку (Азербайджан) начались страшные этнические погромы: азербайджанцы планомерно истребляли армян и русских. Для наглядности того, как и что происходило в Баку, приведу лишь один крошечный фрагмент свидетельства Г.И. – женщины, почти утратившей способность говорить после всего случившегося с ее семьей: «Выломали дверь, мужа ударили по голове, он без сознания валялся все это время, меня били. Потом меня прикрутили к кровати и начали старшенькую насиловать – Ольгу, 12 лет ей было. Вшестером. Хорошо, что Маринку четырехлетнюю в кухне заперли, не видела этого... Потом побили все в квартире, выгребли что надо, отвязали меня и велели до вечера убираться. Когда мы бежали в аэропорт, мне чуть не под ноги упала девчоночка – выбросили с верхних этажей откуда-то. Вдрызг!.. Ее кровь мне все платье забрызгала... Прибежали в аэропорт, а там говорят, что мест на Москву нет. На третьи сутки только и улетели. И все время, как рейс на Москву, ящики картонные с цветами десятками на каждый рейс загружали...» [8].

Против мнимого предоставления жилья таким вот «оккупантам» и повели своих людей сначала на митинг, а потом и на погромы три силы – исламские фундаменталисты (Ходжа Акбар Турадджонзода), так называемая демократическая молодежь (Шодмон Юсуф) и преступный мир (Якуб Салимов). Это они организовали душанбинский мятеж, который начался с митинга на площади Озоди (Свободы). Управлял мятежом Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан Паллаев. Г. Бобосадыкову предусмотрительно направили к тому времени на повышение в Москву, в общество «Знание». (В дальнейшем она станет «демократкой» и получит теплое место в ЮНЕСКО. Такое завершение карьеры позволяет однозначно истолковывать ее миссию по разыгрыванию исламской карты в республике, в настоящее время вернулась в Таджикистан, не бедствует, дает интервью о своем безупречном служении таджикскому народу.)

Душанбинские погромы проходили 12, 13, 14 февраля 1990 года. Они носили откровенно антирусский характер. «Таджикистан для таджиков!», «Русские, убирайтесь в свою Россию!» – это были главные лозунги погромщиков. Полторы тысячи русских мужчин и женщин в Душанбе национал-исламисты буквально растерзали – на улицах, площадях и в их собственных квартирах. Перепало и европеизированным таджикам. Такого изуверства Таджикистан еще не знал (см.: В. Стариков «Долгая дорога в Россию», Д.О. Рогозин «Враг народа»).

В нагнетании антирусской истерии во всех республиках бывшего СССР и Таджикистана в том числе немало потрудились представители «творческой интеллигенции». В Таджикистане на этой ниве особенно отличилась поэтесса Гулрухсор Сафиева. В 20 лет она вступила в КПСС, возглавила сектор печати таджикского комсомола, в 24 года получила членский билет Союза писателей Тад-

Таджикистана и еще через 10 лет стала секретарем правления. Во время перестройки Сафиева из убежденной коммунистки обратилась в пламенную националистку и правоверную мусульманку. На митингах исламско-демократической оппозиции поэтесса произносила антирусские речи, сокрушалась о «поруганной северными варварами прекрасной темноглазой Родине», называла Великую Отечественную войну «российской мясорубкой, куда загнали таджиков», предрекала, что «час расплаты наступил, и пусть кровь смое русскую грязь». Из таких вот «творческих» людей – поэтов, писателей, философов – было сформировано общество «Растохез» («Возрождение»), возглавляемое Тохиром Абдуджаббором. Правда, в 1990 году эти говоруны еще не догадывались, что и им недолго осталось словоблудить, – фундаментализм пресечет все эти божественные «базары», и, как побитые собаки, побегут вчерашние «вольнодумцы» – кто в Москву, а кто на север Таджикистана – в Ходжент. Гулрухсор обосновалась в Москве, печатается в журналах «северных варваров», устраивает вечера поэзии...

Но вернемся к начатому: в Душанбе прошли беспрецедентные акции вандализма. Было парализовано производство, люди не ходили на работу из-за боязни за жизнь своих семей. После февраля 1990 года начинается массовый исход «русскоязычных» из республики.

Оппозицией был создан «Комитет 17-и», он выразил недоверие первому секретарю КП Таджикистана К.Махкамову. После того, как Махкамов поддержал в августе 1991 года ГКЧП, а «путч» провалился, секретарь КП Таджикистана был обречен: от него мгновенно дистанцировались все политические силы республики, претендующие на власть.

Оппозиционно настроенные «демократы» выдвинули на пост первого лица республики не так уж и давно ими же низложенного Рахмона Набиева. Скоропалительно стали готовить выборы Президента. Среди кандидатур на этот пост была и кандидатура Довлата Худоназарова – московского режиссера, поддерживаемого мэром Санкт-Петербурга Анатолием Собчаком. Дезориентированный народ, до конца не понимающий, что происходит, поддержал кандидатуру «знакового» Набиева. А кандидатура была уже с червоточинной. Это был уже сломленный человек, понимающий, как именно им можно играть. Это был человек, «обязанный» своим возвышением недавним врагам.

Уже первые политические шаги Набиева после его избрания Президентом были шагами в пропасть: именно он укреплял позиции исламско-националистического общества «Растохез» («Возрождение») и такой же по духу «демократии». Именно он (с подачи и по прямой рекомендации А. Собчака и Е. Велихова осенью 1991 года) призвал Исламскую партию возрождения Таджикистана во главе с казикалоном Ходжой Акбаром Тураджонзодой (до того времени она находилась в подполье), именно он полностью утратил контроль над средствами массовой информации, именно он освободил главарей февральских событий в Душанбе. Набиев заискивал перед теми, кто хотел его уничтожить.

Полномасштабная гражданская война в Таджикистане начинается в 1991 году. Детонатором событий послужили демократические акции в России после событий 21 августа 1991 года в Москве.

В сентябре таджикские союзники Московской победившей демократии решили действовать: власть Ходжентского клана должна была быть скинута под напором антикоммунистических сил. Но клан оказался устойчивым и сам перешел в наступление, отрешиваясь при этом от своего недавнего (вчерашнего) коммунистического прошлого, все решительнее беря под свое знамя религиозно-исламские лозунги (не ваххабитские, правда, но такие, которые открыли путь стихии антирусских настроений). В сентябре того же года ленинабадская группа отправила в отставку спикера парламента, гармца по происхождению. В ответ на это гармско-памирская группа организовала свой первый мощный митинг на площади Озоди (Свободы) в Душанбе. Митинг проводила Исламская партия возрождения Таджикистана. Демократическая партия легитимировала ее деятельность в глазах Запада. Российское телевидение назвало этот митинг «митингом демократических сил Таджикистана». Был сброшен памятник Ленину.

Лидером гармско-памирской группировки становится Довлат Худоназаров – режиссер, человек, близкий к кругам исламистского лидера Ага-Хана в Лондоне, политический деятель, опекаемый Яковлевым и Горбачевым. Это он дирижировал политическим геноцидом в республике. Довлата Худоназарова поддерживала Москва.

Вообще Москва заняла замечательное по своей политической конфигурации позицию: сброс памятника Ленину произвел столь глубокое впечатление на Велихова, Попова, Собчака и других, что все остальные компоненты политического процесса отошли для них на задний план.

Москва в то смутное время прикрывала и обеспечивала активность людей, которых весьма условно можно было назвать людьми в гуманистическом понимании этого слова. Среди них Шодмон Юсуф – бывший работник кафедры марксизма-ленинизма, бывший парторг Академии наук, руководитель кровавой организации «Наджоти Ватан» («Армия национального спасения»). Это он заявил: «Русские – это наши заложники». Это его люди под непосредственным руководством муллы Абдулгафура Худойдодова взяли в качестве заложников детей в русской школе. Этого террориста и убийцу взял под свое крыло не только мэр Санкт-Петербурга А. Собчак, но и более высокие инстанции, смотревшие сквозь пальцы на «шалости» таджикского «демократа».

24 ноября 1991 года в Таджикистане состоялись выборы Президента. Довлат Худоназаров («режиссер») набрал всего лишь 30 % голосов (не помогла и Москва), Рахмон Набиев получил 60 %.

На пост руководителя Верховного Совета ленинабадцы провели Сафара Кенджаева – молодого политика центристской ориентации, ягнобца по происхождению, лидера малочисленной общины, проживавшей все в той же Ленинабадской области. Кенджаев (в отличие от Набиева) не был связан никакими предвы-

борными обещаниями. Кенджаев стал подписывать законы, не вызывавшие восторга у Исламской партии возрождения Таджикистана, а 25 марта 1992 года на заседании Верховного Совета Таджикистана он вообще обвинил министра внутренних дел памирца Мамадаеза Навджуванова в злоупотреблении служебным положением. Заседание транслировалось по ТВ.

На следующий день, 26 марта 1992 года, площадь Шохидон (Мучеников) у здания Правительства Таджикистана заполнила памирская молодежь. Еще через день с криками «Истефо!» («Отставка!») к ним присоединились исламская и «демократическая» партии. К первоначальному лозунгу добавились проиранские и антиленинабадские («Нет потомкам кровавого Чингисхана в руководстве Таджикистаном!»)

20 апреля 1992 года открылась XIII сессия Верховного Совета Таджикистана. На ней решено было оставить спикером Кенджаева. В ночь с 21 на 22 апреля здание парламента было окружено вооруженными отрядами оппозиции.

23 апреля Кенджаев ушел в отставку, а членом Президиума становится казикалон республики Ходжа Акбар Тураджонзода. Это он на всю страну, обращаясь по ТВ к бывшему председателю облисполкома ГБАО Искандарову (наконец-то памирцу, занявшему место Кенджаева!), сказал: «Не садись в это гнусное коммунистическое кресло. Оно загажено твоими предшественниками. Мы сделаем тебе другое кресло». И на манер своих единомышленников поднял два пальца вверх: «Победа!». Именно эти жесты, и эти слова взорвали Куляб. В ночь на 23 апреля 1992 года в Душанбе прибыли кулябцы. Они заняли площадь Озоди, на которой в сентябре 1991 года митинговали их оппоненты.

На двух площадях одной и той же улицы Рудаки, в пятистах метрах друг от друга, шли два митинга. Накал страстей нарастал.

Первой пролитой кровью была кровь редактора правительственной газеты «Садои Мардум» («Голос народа») М. Шералиева. Его убили прямо во дворе Верховного Совета.

И началось ...

29 апреля 1992 года на XIV сессии Верховного Совета Кенджаев был восстановлен. В ответ оппозиция захватила телевидение, блокировала все подъезды к городу.

Комитет национальной безопасности и МВД Таджикистана заявили... о нейтралитете. Но на сторону оппозиции перешел советник Президента по обороне, сдав ей 200 стволов огнестрельного оружия и 4 бронетранспортера. В результате только что восстановленный Кенджаев через неделю оказался снова смещенным.

Митинг площадей Шохидон и Озоди закончился только через 50 дней. Чем эти митинги сопровождалось – отдельный разговор.

7 мая с площади Озоди ушли кулябцы. Уходили с боями, так как вооруженная оппозиция преследовала их. И только с 14 мая стали рассредоточиваться митингующие с площади Шохидон. Вернувшись домой, кулябцы, видевшие, что происходило на Шохидоне, знавшие о пытках в подвалах и массовых убийствах во время митинга, организовали народное сопротивление.

Когда запахло кровью и порохом, на арену событий выступил простой народ и его лидеры.

Одним из них был мулла Хайдар Шарифзода, выступивший против казикалона, обвинивший его в ваххабизме, чуждом таджикскому народу, выступил он и против идеи «кафирства» (нечестивости). Конфликт приобрел новые очертания: теперь уже не ленинабадская номенклатура боролась с памирско-гармской торговой мафией, а народный ислам – с насильственно внедряемой саудистской версией ваххабизма. Достаточно было донести это новое измерение конфликта до исламских народов, и они не были бы столь ориентированы на «правовверных ваххабистов». Но эта задача не была решена. Народный мулла Хайдар проклял казикалона и, как и полагается духовному лицу, передал политическую власть народным правителям. Народным лидером становится Сангак Сафаров. Именно этот человек – никакой не партиец, простой буфетчик и уже немолодой – начал яростно обличать сторонников Исламской партии возрождения Таджикистана, защищать русских, призывать к отпору силам политического террора. Настало время других людей, время народной борьбы, время войны.

Личность Сангака Сафарова (родился 1 января 1928 года в селе Шугнов, отец его был репрессирован, оба младших брата умерли с голода, старший был осужден в 1939 году) незаурядна. С одной стороны, его представляют как уголовника: в 1951 году Сафаров получил 1 год лагерей за угон автомобиля, в 1957-м был осужден за наезд на пешехода со смертельным исходом, в 1964 году, защищаясь от рэкетира-чеченца, убил его, за что получил новый срок; в исправительно-трудовой колонии поднял восстание заключенных и был осужден на 6 лет. Общий тюремный стаж этого человека – 23 года. С другой стороны, именно этот человек, именно эта личность сыграла выдающуюся роль в таджикском противостоянии. То, что Таджикистан остался светским государством, – заслуга Сангака Сафарова. Сейчас правительство Таджикистана дистанцируется от этой личности: как никак «уголовник». Но свидетельствую как человек, пребывавший на земле Таджикистана в это скорбное время: именно Сангак спас республику, именно его организаторские способности и личное мужество позволили создать достойный противовес «демисламистскому» разгулу на земле Таджикистана. Погибнет Сангак внезапно, в ночь с 29 на 30 марта 1993 года, при невыясненных до конца обстоятельствах. Погибнет именно тогда, когда основная «работа» по вытеснению исламистов и их идеологии в Таджикистане будет сделана. Все жители Таджикистана в скорби приняли весть о смерти Сангака. О том, какое место личность Сангака занимала в сознании людей, переживших ужасы гражданской войны, может свидетельствовать название статьи корреспондента газеты «Ленинабадская правда» Т. Палатинской: статья с прощальными словами, обращенными к Сангаку Сафаровичу Сафарову, называется «Его дал нам Бог». В своем некрологе Палатинская напишет: «С той черной минуты, когда услышала, что Сангак убит, горе вошло в мое сердце. Что бы там ни измышляли о нем враги, что бы ни говорили обыватели, я, русская, и не наученная верить в Бога женщина, скажу: Он был святой человек. Он защитил не только свой Куляб, но и нас, ленинабадцев, он вернул нам, русскоязычным, веру в то, что все

мы, таджикистанцы, – братья, все мы – дети этой прекрасной земли... Он спас наше Отечество от страшного мракобесия исламского фундаментализма... Сам про себя он говорил: “Родина – дороже жизни”» [9, 10].

Но вернемся к 1992 году. 7 сентября 1992 года оппозиция заставила Рахмона Набиева сложить свои полномочия. Через месяц Верховный Совет Таджикистана собрался на сессию в Арбобе под Ходжентом: главой республики с подачи Сангака Сафарова был избран Эмомали Рахмонов («кулябец»), а председателем Совета министров – Абдуллоджанов («ленинабадец»).

Военные действия после Душанбинского противостояния переместились из столичного центра в регионы. Оплотами исламистов были такие пункты, как Курган-Тюбе, Комсомолабад, Новабад, поселок Туркменистан, Гарм, Ромит и др.

В Курган-Тюбе исламисты вырезают окраинный городской квартал Ургут, где жили узбеки, выходцы из Самарканда; в поселке Туркменистан, в бане, они организуют настоящую пыточную; нападают на поселок Ломоносово и устраивают там резню.

Ответными действиями крайне раздраженных и разгневанных кулябцев стало нападение на Курган-Тюбе и засевшую там оппозицию: боевой отряд под командованием Лангари Лангариева выбивает из города и его пригородов всех исламистов.

К октябрю 1992 года потери с обеих сторон составили 15–20 тыс. убитых, несколько тысяч раненых, с юга уехало практически все население. Из республики выехало за год 90 тыс. «русскоязычных», а если считать с 1990 года, то приблизительно 360 тыс.

Чтобы читатель представлял себе общую атмосферу войны, в которую оказался погруженным простой, обыкновенный, никем и ничем не защищенный человек, приведу фрагмент из заметок душанбинца С. Воронцова о личных переживаниях и наблюдениях: «В городе беспредел. Люди напуганы жестокими убийствами. Вчера за домом, на мусорной куче (который месяц не вывозят на свалку отходы) найден человек с обожженным лицом. Наша пятиэтажка стоит на окраине. Под окнами в буквальном смысле проходит линия фронта. Мародеры врываются в квартиры, грабят, убивают. Седьмой месяц люди с автоматами хозяйничают в городе... Я видел, как тащили на броню девушку. Она кричала. Никто не посмел вступить. За день до этого среди бела дня «наказали» одного такого заступника: завели за угол и полоснули автоматной очередью. Мой брат как раз шел мимо. Человек упал, задергался. Широкоплечий детина снова нажал курок. Осечка... Не спеша сменил магазин, передернул затвор. Вставил дуло в открытый хрипящий рот... Включаю телевизор. В останкинских «Новостях» о нас опять никакой информации... Веселые лица, бизнесмены пьют шампанское. Москве нет дела до наших судеб и переживаний» [5].

Следствием кровавой братоубийственной войны стало то, что «демисламисты» потеряли свой безусловный авторитет в народе. Народные массы смелее начинают поддерживать «Народный фронт», возглавляемый Сангаком.

10 декабря 1992 года в Душанбе начался «бумеранговый» террор против памирцев и гармцев.

В январе-феврале 1993 года были арестованы практически все деятели оппозиции на севере республики.

На юге военные действия переместились в Гарм, Ромит, Дарваз. В районе Рогуна, Курган-Тюбе, Обигарма орудовала банда лютого головореза Резвона, в Тавильдаре – банда Абдулгафура, в Каратегине – банды Назима и Исмата.

О том, как брали Гарм, особый рассказ. Ленинабадский военный десант, высадившись в Гарме (несостоявшейся столице Исламской Республики), сопротивления не встретил. К бойцам вышли представители Гармского руководства во главе с муллой Саадидином. Мулла поклялся на Коране, что на гармской земле войны не будет. Организовали оши-ошти – плов примирения. Затем предложили бойцам грузовик, чтобы те отправились в Душанбе и доложили президенту о мирном исходе операции... И поверили бойцы клятве на Коране. Но вместо Душанбе гармцы повезли молоденьких бойцов в Комсомолабад – прямо в мечеть, в которой Резвон разместил свой штаб... А теперь документальные строки журналиста: «Мне показывали кассету, снятую душанбинским телеоператором... Камера медленно плывет между рядами изувеченных тел попавших в плен бойцов. Два трупа просто сожжены, от одного осталась высохшая сморщенная мумия. Другого сжигали живьем в тандыре – ступни, колени, бедра... У него ног просто нет – выгорели, а выше пояса – тело еще есть. У многих отрезаны уши, проткнуты прутьями животы, вырваны ногти. Другие кастрированы... Ленинабадцев, если попадались, не щадили, убивали так, чтобы другим было страшно» [11].

И еще один аспект войны – тоже «частный»: «В разгар геноцида, развязанного фундаменталистами, без вести пропало много людей, в том числе девушек. Их вывозили в Афганистан и обменивали на оружие. Сначала за девушку не старше 15 лет давали два гранатомета и два автомата. Потом цена упала до одного автомата. Так и меняли штука на штуку...» [12].

Фундаментализм в Таджикистане проиграл не тогда, когда его стали теснить оружием. Он проиграл уже тогда, когда ужаснул самих таджиков своей изуверской жестокостью. К примеру, когда отряд бохтарцев посетил гармскую мечеть, то обнаружил: «Там по стенам были распяты попавшие в плен бойцы. Восемнадцать человек замучено. Вот тебе и святое место!» [12].

Правительство Таджикистана осудило Исламскую партию возрождения Таджикистана и ее руководителей официально: 9 января 1993 года против Довлата Усмона, Акбара Тураджонзоды и Шодмона Юсуфа были возбуждены уголовные дела по обвинению в развязывании гражданской войны.

21 июня 1993 года коллегия Верховного суда Таджикистана запретила деятельность Исламской партии возрождения Таджикистана, Демпартии Таджикистана, а также объединений «Растохез» и «Лали Бадахшон».

Весна 1993 года ударила по Таджикистану сразу с нескольких сторон: в первых, Таджикистан остался в старой рублевой зоне, прекратились все внешние торговые связи республики, рабочим и служащим не выдавалась заработная пла-

та, Узбекистан прекратил поставки газа; во-вторых, на юге вследствие сильнейших селей окончательно разрушилось сельское хозяйство; стоимость буханки хлеба в Таджикистане (в августе) взлетает до 165 рублей; банки замораживают все вклады; начинается голод – все полки в магазинах пусты, а на базарах ничего нельзя купить из-за отсутствия денежных средств [13–16]. Роль денег начинают выполнять ... пустые бутылки, а роль сдачи при расчетах – кусочки хлеба.

В июле 1993 года зарубежные вдохновители таджикских событий начинают массированно атаковать таджикско-афганскую границу. В режиме чрезвычайного положения несут службу Пянджский, Московский, Калаихумбский, Хорогский, Ишкашимский и Мургабский погранотряды. Трагические события на 12-й пограничной заставе Московского погранотряда и на участке Ишкашима (это только то, что попало в СМИ, но многое и не попало: застава Дашти-Язгулём, участок Хорога).

201-я мотострелковая дивизия (Россия) по согласованию с Министерством обороны России несет охрану Нурекской ГЭС, Яванского электромеханического комбината, Вахшского азотно-тукового завода, ряда объектов военного назначения, участков автодорог на горные перевалы вдоль границ Кулябской и Курган-Тюбинской областей. При этом миротворческая миссия дивизии постоянно извращается в СМИ.

Примирение воюющих сторон в республике и на ее границах с Афганистаном осуществлялось очень сложно: имело место 9 раундов переговоров. И только 23 декабря 1996 года в Москве было подписано соглашение, под которым поставили подписи Эмомали Рахмонов и Сайед Абдулла Нури (представитель таджикского правительства «в изгнании», в прошлом главный редактор печатного органа казията «Минбари ислом» – «Кафедра ислама»). Это соглашение было формальным окончанием гражданской войны в Таджикистане.

27 июня 1997 года в Кремле было подписано еще одно мирное соглашение противоборствующих сторон. В соответствии с этим соглашением Президентом Таджикистана остался сторонник светского правления Эмомали Рахмонов. Вместе с тем оппозиция получила места в парламенте, административные должности, директорские посты на различных крупных предприятиях.

С 1998 года 27 июня объявлено государственным праздником – Днем национального примирения в Таджикистане.

Однако так называемые «малые группы» оппозиции, не подписавшие соглашения, продолжают свои кровавые вылазки и до сих пор, в частности, отряд Мулло Абдулло, базирующийся в труднодоступных районах.

Общие итоги войны: Таджикистан стал одной из беднейших стран мира. Огромное количество беженцев покинуло страну. Многие таджики эмигрировали в Афганистан. Почти все русское население, а также немцы, украинцы, корейцы, евреи и представители других некоренных народов вынуждены были искать убежище в России и других странах. Кто-то сумел адаптироваться в новой среде. Кто-то пошел на социальное дно и бедствует до сих пор. Большое число таджиков из-за неспособности прокормить свои семьи вынуждены нелегально работать в России.

А каковы уроки?.. Самый главный урок всем – правителям и людям: никогда, никогда не будьте наблюдателями. Если заметили Зло, не заигрывайте с ним, не раздувайте его – гасите, решительно и жестко. Добро должно быть с кулаками!..

Список литературы

1. Белых В., Бурбыга Н. Курган-Тюбе – город мертвых // Известия. – 1992. – 8 сент. – № 200.
2. Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (Этно-социальные процессы и политическая борьба, 1992–1995). – М.: Рос. фонд фунд. иссл., 1996.
3. Мататов М. Революция снизу (1917 г.) и контрреволюция сверху (1991–1993 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: ferghana.ru.
4. Палатинская Т. Сценарий для Таджикистана // Ленинадская правда. – 1993. – 27 июля. – № 89.
5. Воронцов С. Игра в классики // Ленинадская правда. – 1993. – 5 авг. – № 93.
6. Таджикский узел: анализ острой ситуации, рекомендации властям // Советская Россия. – 1993. – 29 июля. – № 89.
7. Курбанова М. Г. Бобосадыкова – «железная леди» таджикского ЦК // Asia-Plus. – 2007. – 28 нояб.
8. Коляда. Геноцид русских – Белая книга памяти. Азербайджан [Электронный ресурс]. – URL: <http://radosvet/net/zdrava/genocide>.
9. Палатинская Т. Его дал нам Бог // Ленинадская правда. – 1993. – 1 апр. – № 39.
10. Фрейдкин Б. Герои не умирают // Ленинадская правда. – 1993. – 3 апр. – № 40.
11. Палатинская Т. Гарм. Год девяносто третий... // Ленинадская правда. – 1993. – 1 июня. – № 65.
12. Палатинская Т. Гарм. Год девяносто третий... // Ленинадская правда. – 1993. – 2 июня. – № 66.
13. Ан Р. «Чувствую себя быдлом...» // Ленинадская правда. – 1994. – 29 марта. – № 38.
14. Ан Р. Боль и стыд за каждым письмом, звонком телефонным // Ленинадская правда. – 1994. – 14 апр. – № 45.
15. Есенков Б. Доедают сухари... (сигнал бедствия) // Ленинадская правда. – 1994. – 14 апр. – № 45.
16. Файзиев Р. Бог решил проучить мой народ? (вместо открытого письма руководству республики) // Ленинадская правда. – 1994. – 2 апр. – № 40.

Получено 22.04.2011

N.V. Solonik

Lysva branch of Perm state technical university

PAGES OF THE USSR COLLAPSE: CIVIL WAR IN TAJIKISTAN

The article examines the socio-political situation in Tajikistan in the 90s of XX century, a typology of different political groups, ideological trends as well as demographic, environmental and economic conditions of the population. Antagonistic contradictions and consequences of the events of that period are discussed.

Keywords: political struggle, ethnic, religious relations, lessons and consequences of the USSR collapse